

***О развитии письменности и литературы
на памирских языках (новые шаги)
New developments in the writing systems and
literatures of the Pamir languages¹***

Эдельман Д. И.

Edelman J. I.

В статье рассматриваются издания последних лет, связанные с развитием письменности и литературы на двух языках Памира: язгулямском и шугнанском. Рассказывается о создании алфавита для язгулямского языка и о публикации на нем первых образовательных книжек. Рассматривается первая монография об авторской поэзии на языках шугнано-рушанской группы. Особое внимание уделено первому роману на шугнанском языке, который демонстрирует сплав элементов фольклора и результатов влияния мировой литературы в сюжетных линиях, языке и стиле.

Ключевые слова: родной язык, письменность, алфавит, литература, первый роман, Памир

The present paper focuses on recent publications on the formation of writing systems and literature in two Pamir languages: Yazghulami and Shughni. It describes how an alphabet was created for the Yazghulami language and how the first educational books in this language were published. The article also tells about the first monograph study on native poetry in the languages of the Shughni-Rushani group. Special attention

¹ Работа выполнена по госзаданию № 0182-2018-0004 «Ключевые проблемы типологического и сравнительно-исторического описания романских, германских, иранских, кельтских и древнеиндоевропейских языков. Индоевропейские языки в синхронии и диахронии: динамика структурного развития, язык и культура, язык и общество».

is paid to the first novel in Shughni, with its plotlines, language and style heavily influenced by both folklore elements and world literature.

Key words: Pamir languages, Yazghulami, Shughni, writing systems, alphabets, literature, novels

DOI: 10.37892/2313-5816-2020-1-6-24

В 2016 г. я писала о становлении письменности и литературы на памирских языках, главным образом на шугнанском языке как наиболее распространенном, об этапах и трудностях этого процесса, о создании современного шугнанского алфавита и об изданных в начале XXI в. первых детских книжках, которые могут послужить образцом для разработки алфавитов и подготовки аналогичных образовательных книг на других памирских языках; в частности, указывалось что были опубликованы аналогичные книжки на рушанском и ваханском языках [Эдельман 2016: 87–113].

В последние годы предприняты новые шаги в процессе развития письменности и литературы на Памире. Хотелось бы отметить два события, произошедших параллельно в ходе этого процесса: первый — пополнение в сфере создания алфавитов для памирских языков и в составлении детских образовательных книжек; второй — появление новых работ, связанных прямо или косвенно с литературой на шугнанском языке и с проблемами, с одной стороны, нормирования шугнанского литературного языка, с другой — с функционированием шугнанского языка в условиях глобализации и миграции.

I. Расширение списка языков, для которых создан алфавит и изданы образовательные книжки

Как уже говорилось в предыдущей статье, наилучшим из созданных алфавитов для памирских языков представляется, с лингвистической и образовательной точек зрения, шугнанский: он сформирован на базе таджикского алфавита, который содержит буквы для обозначения звуков и фонем,

имеющихся в таджикском и памирских языках, но отсутствующих в русском. Это удобно для обучения, поскольку ныне таджикский алфавит знаком на Памире каждому, так как школьное обучение ведется на таджикском языке. Шугнанский алфавит дополнен латинскими и греческими буквами для обозначения звуков, отсутствующих в таджикском языке, но имеющихся в языках Памира; используются также отдельные знаки международной иранистической транскрипции и диакритики. Соблюдается принцип «1 фонема = 1 буква», без диграфов, которых нет и в таджикском алфавите. По этой же схеме тогда же был создан алфавит для рушанского языка.

Методика подготовки первых образовательных книжек на шугнанском языке тоже была тщательно разработана: они снабжены учебной таблицей алфавита, где к каждой букве приводился пример: слово на родном языке и его перевод на таджикский и русский. Большинство книг было двуязычно: на каждой странице к тексту на родном языке давался таджикский перевод. Книги издавались усилиями общественных просветительских организаций Памира: «Нур» («Свет») и «Нилуфар», при международной поддержке.

В 2018 г. организация «Нур» обратилась ко мне с просьбой разработать и прислать им алфавит для язгулямского языка. Этот алфавит я составила по тому же принципу, что и алфавит для шугнанского языка. Он тоже базируется на таджикской графике с дополнением латинских и греческих букв и диакритик из международной иранистической транскрипции.

В ходе работы над этим алфавитом были проблемы, связанные с тем, что надо было в облике некоторых букв графически отразить определенные фонетические элементы, являющиеся спецификой фонетики и фонологии язгулямского языка, в отличие от других памирских языков и от таджикского. Суть этой специфики в следующем.

Во-первых, в консонантной системе язгулямского языка имеются «резонансные» серии согласных: палатализованные и лабиализованные. Практически здесь налицо триады согласных

фонем, типологически сходные с реконструированными индоевропейскими тройками: «палатализованный — простой — лабиализованный». Я предложила обозначить изображения первой и третьей серии диакритиками, как в международной иранистической транскрипции: палатализацию знаком «штрих» над буквой, лабиализацию — поднятым и сдвинутым вправо кружком (сдвинутость кружка имеет смысл как для удобства написания и набора, так и для того, чтобы не было путаницы со знаком палатализации, если при беглой ручной записи диакритика написана небрежно).

Во-вторых, в составе язгулямского вокализма имеется гласная фонема, представленная звуками широкого диапазона: нейтрального или среднего ряда (с возможными продвижениями вперед и назад) и от 2-й до 5-й степени подъема. В фонологической транскрипции она обозначается знаком «ə» («шва»). Такой фонемы нет ни в таджикском, ни в шугнанском, и соответственно нет такой буквы в их алфавитах. Поэтому язгулямцы, грамотные по-таджикски, не воспринимают эти звуки как значимые, а при попытке написания слов с этой фонемой просто пропускают ее изображение, реализуя как бы «консонантное» письмо. В предложенном язгулямском алфавите эта фонема изображена так же, как в международной иранистической транскрипции: знаком «ə» («шва»).

Учебная таблица алфавита для язгулямского языка составлена так же, как таблица для шугнанского: к каждой букве приведен пример язгулямского слова, имеющего данную букву, и перевод слова на таджикский и русский языки, чтобы избежать его неверного отождествления.

В 2019 г. на этом алфавите изданы четыре детские книжечки язгулямского поэта с текстами на язгулямском и таджикском языках, по образцу шугнанских образовательных книжек. В начале каждой книги приводится таблица алфавита с примерами язгулямских слов с их таджикским и русским переводами, а в книге на каждой странице дается язгулямский текст и его перевод на таджикский язык. Подготовка этих книг

потребовала коллективных усилий: литературного редактора А. М. Алиева, научного редактора Л. Р. Додыхудоевой и научного консультанта Д. И. Эдельман. Это книги [Хабиров Шерата рэпц 2019] (Сказка «Лев и лиса»); [Хабиров Чистонаб 2019] (Загадки); [Хабиров Исоб 2019] (Счёт); [Хабиров Зарбэлмасален 2019] (Пословицы). Их опубликовали общественные просветительские организации Памира: «Нур» («Свет») и «Нилуфар», при международной поддержке (The Christensen Fund).

Приложение 1. Учебная таблица алфавита с примерами язгулямских слов и с их переводом на таджикский и русский языки на обороте обложки книги [Хабиров Исоб 2019].

АЛИФБОИ ЯЗГУЛОМӢ				
Aa аз-ман-я	Āā нӓн-модар-мама	Bb бабан-зин-седло	Vv ваз-вуз-коза	Ww вурӯӯ-як-один
Gg гаџт-гӯшт-мясо	Ĝĝ гачаг-духтарча-девочка	Ḡḡ баџн-пуштисар-затылок	Ff габаг-писарча-мальчик	Fḡ г'аџт-ангушт-палец
Ŷŷ џанзир-занҷир-цепь	Dd дуф-домра-бубен	Δδ бар-дур-далеко	Ee дед-падар-отец	Əə коп-санг-камень
Жж џуъ-џандуъ-пшеница	Зз зоъ-остин-рукав	Зз зӯг-суроҳ-дыра	Ии миф-рӯз-день	Йй йӯрџ-хирс-медведь
Кк куд-хона-дом	Кк кӓр-кор-работа	Кк° куд-саг-собака	Ққ кавад-курта-платье	Ққ° кӓром-саитра-каменная осель
Лл лап-бисёр-много	Мм маден-миён-талия	Нн набес-набера-виук	Оо оинак-оина-зеркало	Пп пей-пой-нога
Рр рохи-сафед-белый	Сс сафч-шадда-бусы	Тт тагд-тез-острый	Уу увад-хафт-семь	Ӯӯ бӯсада-десять
Фф фонус-фонус-фонарь	Өө өан-оташдон-очаг	Хх хаса-хуб-хороший	Хх° хӓраг-гурусна-голодный	Ӧӧ Ӧер-деха-село
ӦӦ° Ӧӓн-арақ-пот	Чч чӓм-чашм-глаз	Чч чет-муъ-волосы	Шш шамол-бод-ветер	Цц цӓбм-яшпон-полынь

Приложение 2. Страница 6 из книги [Хабиров Исоб 2019].

Тем самым язгулямский язык в процессе создания письменности и литературы проделал первую ступень того пути, который раньше прошел шугнанский.

II. Новое в шугнанской литературе и проблемы литературного языка

Проблемы шугнанского языка в эти годы были связаны с дальнейшим развитием шугнаноязычной литературы, с научным осмыслением литературного процесса и с функционированием этого языка в условиях глобализации.

В 2017 г. издано первое монографическое исследование возникновения и формирования авторской поэзии на памирских языках, главным образом на языках шугнано-рушанской группы, в основном — на шугнанском [Охонниёзов 2017]. В этой книге содержится не только литературоведческий анализ процесса становления шугнанской литературы с самых ранних памятников, но и история поэтических стилей, связанная в конечном счете с разработкой литературного нормированного языка. Книга была написана в основном в конце 90-х гг. XX в., но существенно доработана и дополнена уже в наше время. Автор подводит итог достижений литературы XX в., который прошел, главным образом, как век становления и развития письменной шугнанской поэзии (крупные непере译ные произведения художественной прозы в эти годы еще не публиковались). Отдельную ценность книги В. Д. Охонниёзова составляют приложенные к ней лучшие образцы поэтических текстов, практически это целая хрестоматия поэзии XX в. и начала XXI в. [Охонниёзов 2017: 175–327].

Из значимых моментов исследования автора можно отметить следующие.

В 70–80 гг. XX в. в литературу приходит группа двуязычных поэтов, которые писали по-таджикски и по-шугнански, но поскольку шугнанские тексты не печатались, это был период публикации таджикоязычной поэзии шугнаноязычных поэтов. При этом стихи на шугнанском языке писались; они были опубликованы позднее, иногда с указанием даты написания (весьма впечатляющей). Для некоторых поэтов запрет на публикацию стихов на родном языке был трагедией, о чем говорил позднее поэт и просветитель Н. Шанбезода, см. [Каландаров 2018: 168]. В тот же период много усилий прилагалось к стихотворному переводу на шугнанский язык произведений поэтов разных стран, благодаря чему шугнанские поэты знакомились с мировой литературой и развивали художественные поэтические выразительные средства родного

языка. Переводились произведения классической персидско-таджикской и современной персидской литературы, произведения писателей России, Японии, Китая, Америки, Франции. Все это расширяло кругозор шугнаноязычных писателей и развивало их литературное мастерство.

Анализ художественных приемов, разрабатываемых в переводной и собственной поэзии данного периода представлен в [Охонниёзов 2017: 96–100]. Результаты всех этих достижений, естественно, далеко не сразу становятся достоянием читателей: опубликованы они будут значительно позднее, в конце XX – начале XXI в., когда шугнаноязычная литература выйдет из-под запрета.

Интересно, что уже в 70–80 гг. XX в. разные сферы общения и культурные контакты того или иного поэта в какой-то мере стимулировали их различные стихотворные предпочтения, различный творческий почерк.

Так, стихи многих поэтов этого периода были оформлены по высоким канонам классической персидской литературы, начало чему заложил еще в 1930-е гг. Н. Шанбезода. Об освоении этого жанра свидетельствуют как переводы на шугнанский язык произведений классической персидской литературы, так и собственные поэтические сочинения на шугнанском языке, построенные по классическим канонам. В частности, в исследовании В. Охонниёзова отмечается, что собственные шугнанские стихи поэта Ато Мирходжа безупречны с точки зрения классического размера — аруза, который базируется на чередовании долгих и кратких слогов, что для шугнанского языка очень непросто (для фольклорной поэзии была характерна силлабика); в его стихах соблюдаются также правила классических рифмы и редифа [Охонниёзов 2017: 134]. Он и другие последователи «классического» направления Н. Шанбезода проявили себя уже в первых небольших газетных и немногих книжных публикациях, где печатались газели с каноническими рифмами, рефренами и именем или псевдонимом автора в последнем бейте (двустииши),

публиковались рубаи с определенными рифмами и соответствующим «философским» содержанием и т. д.

Многие другие стихи и песенные тексты написаны в те же годы в стиле современной русской и европейской поэзии. Из поэтов, ярко вошедших в шугнанскую литературу в этот период, следует особо отметить Алидоншо Шохрахматуллоева, печатавшего стихи под псевдонимом Лидуш Хабиб. Сборник его стихов под названием «Дарёта тизд» («Река течет»), который упоминался раньше [Хабиб 1991], включает стихи, написанные в 1982–1983 гг., когда поэт учился в Педагогическом институте г. Самары и, по словам автора предисловия к этому сборнику, там же начал впервые петь свои песни под гитару. Не уделяя чрезмерного внимания выработке формы, он очень точными словами и оборотами передает глубокое эмоциональное содержание стихов, будь то лирические или публицистические тексты (об этом также см. [Охонниёзов 2017: 131]). Это неудивительно: в начале 80-х гг. молодежь во всех городах активно слушала записи Окуджавы, Высоцкого (а некоторые и Галича), и идеи «авторской песни», «бардовской песни» носились в воздухе. Сильное эмоциональное содержание песен-стихов Лидуша Хабиба оказало большое влияние на шугнанскую молодежь. Это нашло отражение впоследствии в первом (и пока единственном) романе на шугнанском языке, о котором речь пойдет ниже. Теперь изданы стихотворные переводы на русский язык образцов его поэзии [Хабиб, Неккадамов, Гулям 2019], что даст возможность оценить его творчество широкому кругу читателей.

Двадцать первый век внес в шугнанскую литературу принципиально новые направления, повлиявшие и на язык.

В 2017 г. сделан совершенно новый шаг в развитии шугнанской художественной прозы и шугнанского литературного языка: впервые в истории на шугнанском языке написан и издан роман. Этот роман Худобахша Худобахшова «Зиндаги аз нав ца сўд сар» («Если бы жизнь началась заново»), изданный в г. Хороге [Худобахшов 2017], — наглядное свидетельство роли

живых культурных контактов шугнанской интеллигенции с самыми разными традициями Запада и Востока, трансфера идей, которые отразились в художественной прозе. Эти контакты и усвоение культурной почвы, глубоких философских мыслей ощущаются, с одной стороны, в литературном аспекте романа: в его сюжетных линиях, в художественных приемах, в формировании образов, а с другой — в языковой характеристике: в инновациях, включающих не только лексику и фразеологию, но и опыт выработки некоторых черт литературного прозаического языка, отличного от разговорного и фольклорного, во всяком случае в области синтаксиса. При этом большую роль в романе играют и памирские фольклорные традиции, выраженные в некоторых литературных приемах и даже в определенных фразеологических оборотах. В качестве заглавия романа вынесена фраза, представляющая собой первую строку стихотворения-песни поэта Лидуша Хабиба, о котором говорилось выше, причем глубокий смысл этой фразы выступает на поверхность к концу романа. Налицо прямая литературная преемственность. В результате роман представляет собой интересный художественный литературный сплав, созданный интеллигентным и широко образованным автором на родном шугнанском языке. Поскольку роман — совсем новое явление в шугнанской литературе, имеет смысл рассмотреть его внимательно.

В предисловии автор говорит о ценности памирских языков и задается вопросом: что он сам может сделать, чтобы помочь родному языку? Отсюда его намерение написать книгу на шугнанском языке. И еще его цель, сформулированная им там же, чтобы «... у наших памирцев были наши Лейли и Меджнун или Ромео и Джульетта. Но не похожие на них, а чисто наши, памирские» (с. 4, здесь и далее крупные фрагменты текста привожу в переводе).

В тексте романа выражены идеи, которые могли быть навеяны самыми разными гуманистическими традициями. Основная мысль, реализованная в сюжете романа и

сформулированная затем в его заключительной части (с. 159) и в послесловии (с. 164) в виде «кредо» автора, — гимн Любви, как большой Любви героев романа, так и в целом Любви и Доброты к людям. В некоторых местах в романе, в речах героев и в авторском тексте эта идея формулируется почти как цитаты из Послания Павла к Коринфянам.

Сплав идей мировой литературы и местных фольклорных и этнических традиций виден по всему ходу сюжета. Так, встрече героев предшествует вещий сон героини, Алийи (в памирских сказках обычно не героиня, а герой видит вещий сон или портрет героини). Дальше — любовь с первого взгляда и решение быть вместе, но опасение, что ее родители будут против: она студентка, ей надо закончить учебу. Тогда герой, Барзу, решает: мы поступим, как Ромео и Джульетта. Следует тайное венчание у местного *халифы* (священнослужитель у исмаилитов Памира). Затем по сюжету следует много злоключений героев: тут и козни недругов (включая ложное обвинение героя в убийстве), и клевета злых людей, желающих рассорить героев, и попытка злодея умыкнуть Алийю и увезти ее в Афганистан, однако Барзу рискуя жизнью спасает ее. Представлены и погоня на автомобилях, и прыжок с горы в реку, что отсылает уже к приемам современных приключенческих фильмов. Наши герои выдерживают все эти испытания.

Однако главная идея автора становится явной в последней четверти романа. Здесь описание событий принимает постреалистический, скорее символический характер, это уже практически не роман, а сценарий для фильма или современной пьесы без декораций. Герои вместе с друзьями едут в машине, в руках Алийи роза, которую ей только что подарил Барзу. Подъезжают к дому ее тети, к которой она собиралась зайти. Она открывает дверцу машины, выходит, и тут же рядом раздается шум шин, визг тормозов и какая-то чужая машина с пьяным водителем на скорости сбивает ее и врезается в стоящие у дороги деревья. Она погибла. Затем

элегия — плач Барзу (прекрасный поэтический текст, идущий от фольклора и женского оплакивания) и его дальнейшие мытарства и гибель от людской несправедливости.

Далее — хождения души Алийи: она в раю, молит Бога отпустить ее к Барзу, который в аду. Отвечающий ей Голос приводит философские соображения о том, что представляется возможность попасть из ада в рай, но никто еще не шел обратным путем. Алийя продолжает умолять, ссылаясь на то, что Праматерь Ева покинула рай, и, значит, есть такой путь. В результате она выходит из рая, спускается в ад, спорит там с шайтаном и находит наконец Барзу. Автор не упоминает миф об Орфее, но он напрашивается. Теперь наши герои вместе, и Голос возвещает, что ключи от дверей рая — Любовь и Доброта, которые спасают из ада и делают жизнь людей раем. Становится ясно, что Он отпускает их.

Это ключевой момент, в котором автор применяет прием, известный по пьесе Дж. Пристли «Опасный поворот». С него начинается другой вариант сюжета. Алийя слышит последние слова Голоса и затем просыпается: она по-прежнему сидит в машине, вместе с Барзу и друзьями, в руках у нее та же роза. Она опять собирается выйти из машины, но ее задерживает телефонный звонок с неизвестного номера, они вместе с Барзу слушают в телефоне мелодию песни поэта Лидуша Хабиба «Если бы жизнь началась заново» и неясный детский голосок. И в следующий момент мимо, не задев их, промчалась на большой скорости та чужая машина и врезалась в деревья. Жизнь наших героев началась заново. Затем — сцена свадьбы, happy end.

Как во многих народных сказках и литературных повествованиях, включая религиозные, в роман включена вставная притча. Здесь ее рассказывает мудрый дедушка Абдул. Притча усиливает основной посыл автора — Любовь к людям, хотя сам ее сюжет весьма примечателен своей современностью и «глобальностью». Коротко он выглядит так (с. 144 и сл.): в советское время в камере тюрьмы оказались четыре человека:

еврей, христианин, мусульманин, а четвертый — банкир, который верил только в факты. Он сказал этим троим: все вы говорите, что Бог един. Но почему же вы вечно спорите, ссоритесь и даже воюете? Вы молитесь одному единому Богу, попросите Его, чтобы Он вас освободил. Тут банкира вызвали из камеры и расстреляли. Они поняли, что теперь их очередь. И они обнялись на прощанье втроем как братья, с Любовью, которая сильнее, чем ожидавшая их смерть. В тот же момент земля задрожала, началось землетрясение, стены тюрьмы рухнули, и они оказались на свободе.

Интересен стиль и язык романа. Диалоги и монологи оформлены как речи действующих лиц в пьесе: имя с двоеточием и прямая речь героя. В авторской речи при описании событий, поступков действующих лиц глаголы часто выступают в форме настоящего времени, что характерно и для многих произведений современной русскоязычной художественной прозы. Таким образом, роман очень кинематографичен, это как бы сценарий, вполне современный, особенно, как уже говорилось, в его последней части.

Авторская речь и язык героев мало различаются: по мнению знатоков, для которых шугнанский язык является родным, это язык современной городской молодежи². Возможно, в этом состоит речевой образ самого автора, который как бы просто рассказывает о своих друзьях. Однако в некоторых местах автор выходит из этого образа, особенно в начале романа. Например, характерны пассажи, где автор представляет читателю своих героев. Здесь иногда он переходит на «высокий стиль» религиозных повествований, житий и сказок. Так, говоря о Лайло, сестренке Барзу, и о смерти их матери, он пишет: «Она была еще маленькой, когда их мама заболела, и Боженька облегчил ее страдания и забрал ее к Себе» (с. 7).

² Автор выражает глубокую признательность за консультации старшему научному сотруднику Института этнологии и антропологии РАН Т. С. Каландарову.

О Барзу и его друзьях детства: «Три задушевных друга Барзу. С детства они росли бок о бок. Ни в благополучии они воды один без другого не попили, ни в трудности лепешки друг без друга не съели» (с. 8).

Обращение к фольклору выражено в романе различными приемами. Оно проявляется, например, в лирических монологах и диалогах основных героев, в плаче-элегии Барзу на смерть Алийи и др. Иногда это делается с некоторым элементом авторской улыбки: например, в фольклорных сказках приняты вставки в виде стихов или песен, адресованных влюбленными героями друг другу; здесь они тоже есть, но в виде телефонных смс-сообщений (с. 49).

Следует отметить некоторые новые явления в языке, которые прослеживаются в романе и, следовательно, присутствуют в речи шугнанской городской молодежи. Много русских лексических заимствований (65 слов на 164 страницы романа), причем не только в диалогах героев, но и в авторской речи. Имеются и целые обороты, например: *Йакборад аз ху пāле ди Ҳинен — автомат зарйажат кинен ху ди wāген: — Дар ҷойат ист, дастҳо боло, мепарронем!* (тадж.) — *Барзу тар ху зибо чост ху лӯвд: — Чуник Ҳоҷ мādер, мādен пограничникиен* (с. 114) 'Вдруг около себя (они) слышат — автомат заряжают и кричат: «Стойте на месте, руки вверх, стрелять будем!» — Барзу посмотрел назад и сказал: «Милая, не бойся, это пограничники»'. В речи героев: *Му вирод, ту-т амо индйске кйно лан чўўч* (с. 15) 'Братец мой, ты наверное (слишком) много индийского кино насмотрелся'; *Французе зив те та «дежа-вйу» ди лӯвен* (с. 27) 'На французском языке это называется «дежавю»'.

Появился целый пласт лексики и устойчивых словосочетаний, связанных с массовым использованием мобильных телефонов, что также нашло отражение в романе. Так понятие «звонить (кому-то по телефону)» передается глаголом *кйw-*: *кйwadow*, первоначальное словарное значение которого 1) 'звать, кликать; вызывать, приглашать (кого-то)'; 2) 'кричать';

3) 'называть; прозывать; именовать (кого-то)'. При этом глагол в основном значении используется с именем прямого объекта: «звать *кого-то*», а в этом новом значении «звонить (кому-то по телефону)» он употребляется с предлогом *тар* 'в, на' или с послелогом *-(а)рд* 'к, при', указывающими на направление действия *к кому-то*. Буквальное значение сочетания становится «взывать *к кому-то*». Любопытно, что общая синтаксическая конструкция *тар ту қйўум // ту-рд қйўум* '(я) тебе звоню' аналогична русской, но в качестве семантического прототипа для самого шугнанского глагола «звать» избран английский глагол *to call* 'звать, вызывать'. В значениях «включить» и «выключить» по отношению к телефону употребляются глаголы соответственно *тидидов* 'зажигать' и *визе'вдов* 'гасить', которые приобрели эту новую семантику, когда на Памире появились электрические лампы, а затем стали применяться к радио, телевизору, разным электрическим приборам. Характерны обороты типа *аз нобалад рақамен-анд* '(звонок) с неизвестного номера', букв. 'с неизвестных цифр', *ми телефун дастнорас* букв. 'его телефон недоступен', *вам рақамен му-рд дāk* 'дай мне ее номер телефона', букв. 'дай мне ее цифры'; *зарйād нўст*, букв. 'заряд сел' и многие другие.

Из изменений в литературном языке, отраженных в романе, можно отметить еще одну деталь: шугнанскому синтаксису в принципе не была свойственна косвенная речь. Пересказ чужих слов строится обычно по типу «Он сказал: "Я приду"» или «Он сказал, мол: "Я приду"». То же в основном наблюдается в романе. Однако имеются единичные случаи употребления косвенной речи. Например, *хйнт садо ... ху пеҳит ми йу чāй* '(она) слышит голос ... и спрашивает его, кто он' (вместо 'кто ты?').

По-видимому, этот роман и его язык будет еще серьезно рассматриваться литературоведами и лингвистами.

Двадцать первый век внес в шугнанскую литературу и шугнанский язык и другие проблемы. Одна из них — разносторонние культурные контакты молодежи

с положительными и отрицательными опытами и с появлением новой культуры общения и обмена мнениями и литературными достижениями. Учеба студентов-памирцев теперь уже в разных странах, ознакомительные поездки, работа многих молодых людей в качестве трудовых мигрантов (во всяком случае, в России) усиливает самые разные индивидуальные культурные контакты. В этих условиях совсем особую роль в общении и в развитии письменного литературного языка стал играть интернет. Существуют социальные сети, где публикуются художественные сочинения и обсуждаются различные общественные проблемы. Анализ дискурса публичной сферы шугнанского языка в шугнаноязычных группах социальной сети Фейсбук см. [Абдулхамидова, Юсуфбеков 2017: 858–869]. Отдельная сфера современной шугнанской поэзии — стихи трудовых мигрантов рассматривается в статье [Каландаров 2017].

Новые явления письменности и литературы XXI в. стимулируют новые попытки лингвистов осмыслить языковые проблемы и помочь в их решении. При анализе произведений на шугнанском языке, написанных и изданных уже в XXI в., как в виде бумажных изданий, так и тем более в электронном виде, особенно заметно отсутствие унификации в отношении даже разработанных шрифтов. Даже один и тот же звук, который здесь изображен буквой *ǰ*, в разных изданиях изображен по-разному.

Но самое главное: сейчас, в XXI в. особенно явно напрашивается необходимость серьезной разработки орфографических правил. Практически они почти не разработаны. Учитывая богатство шугнанского языка простыми и сложными послелогоми, присловными частицами, регламентация их написания при слове просто необходима. И совсем трудная ситуация с написанием сложных глагольных форм, о чем я уже писала в предыдущей статье. Иными словами, вслед за разработкой алфавита на рубеже XX–XXI вв. ожидалась такая же скрупулезная работа

над орфографией, но она пока не произошла: те наработки, которые были сделаны (см., например, [Аламшоев 2015]), еще не внедрены в практику. Это задача, которая требует своего решения.

Литература

Абдулхамидова П. Ш., Юсуфбеков Ш. П. Создание дискурса публичной сферы шугнанского языка в СМИ и социальных сетях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017, 21 (4), 858–869.

Аламшоев М. Дастури таълимии забони шугнонӣ («Учебное пособие по шугнанскому языку»). Душанбе, 2015. (На таджикском языке)

Каландаров Т. С. Косточка сладкая, на чужбине я...: поэзия таджикских трудовых мигрантов в России // Acta Slavica Iaponica, 2017, (38), 91–119.

Каландаров Т. С. Памирские народы, их языки и перепись: этнический дискурс // Этнографическое обозрение. 2018, 5, 162–178.

Охонниёзов В. Д. Пайдоиш ва ташаккули шеъри муаллифӣ ба забонҳои помирӣ (дар мисоли гурӯҳи шугнонӣ-рӯшонӣ). («Возникновение и формирование авторской поэзии на памирских языках (на примере шугнано-рушанской группы)»). Душанбе, 2017. (На таджикском языке)

Ҳабиб Л. Дарёта тизд. («Река течет»). Хорог, 1991. (На шугнанском языке)

Ҳабиб Л., Неккадамов И., Гулям Х. Иссохшее дерево в пустыне... Душанбе, 2019.

Ҳабибов А. Шер ата рэпц. (Сказка «Лев и лиса»). Душанбе, 2019. (На язгулямском и таджикском языках)

Ҳабибов А. Чистонаф. («Загадки»). Душанбе, 2019. (На язгулямском и таджикском языках)

Ҳабибов А. Зарбэлмасален. («Пословицы»). Душанбе, 2019. (На язгулямском и таджикском языках)

Хабиров А. Исоб. («Счѣт»). Душанбе, 2019. (На язгулямском и таджикском языках)

Эдельман Д. И. Некоторые проблемы миноритарных языков Памира (к становлению письменности и литературы) // Родной язык, 2016, 2(5), 87–113.

References

Abdulkhamidova P. Sh., Yusufbekov Sh. P. Sozdanie diskursa publichnoi sfery shugnanskogo yazyka v SMI i sotsial'nykh setyakh // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika. 2017, 21 (4), 858–869. (In Russ.)

Alamshoev M. Dasturi taʼlimii zaboni shuғnonī («Uchebnoe posobie po shugnanskomu yazyku»). Dushanbe, 2015. (In Tajik).

Edel'man D. I. Nekotorye problemy minoritarnykh yazykov Pamira (k stanovleniyu pis'mennosti i literatury) // Rodnoi yazyk, 2016, 2(5), 87–113. (In Russ.)

Kalendarov T. S. Kostochka sladkaya, na chuzhbine ya...: poeziya tadzhikskikh trudovykh migrantov v Rossii // Acta Slavica Iaponica, 2017, (38), 91–119. (In Russ.)

Kalendarov T. S. Pamirskie narody, ikh yazyki i perepis': etnicheskii diskurs // Etnograficheskoe obozrenie. 2018, 5, 162–178. (In Russ.)

Khabib L., Nekkadamov I., Gulyam Kh. Issokhshee derevo v pustyne... Dushanbe, 2019. (In Russ.)

Khabirov A. Chistonaθ. («Zagadki»). Dushanbe, 2019. (In Yazghulami and in Tajik)

Khabirov A. Isob. («Schet»). Dushanbe, 2019. (In Yazghulami and in Tajik)

Khabirov A. Sher ata rəpts. (Skazka «Lev i lisa»). Dushanbe, 2019. (In Yazghulami and in Tajik)

Khabirov A. Zarbəlmasalen. («Poslovitsy»). Dushanbe, 2019. (In Yazghulami and in Tajik)

Okhonniezov V. D. Paidoish va tashakkuli sheʼri muallifī ba zabonxoi pomirī (dar misoli gurūxi shuғnonī-rūshonī).

(«Vozniknovenie i formirovanie avtorskoi poezii na pamiirskikh yazykakh (na primere shugnano-rushanskoi gruppy»)). Dushanbe, 2017. (In Tajik)

Ҳабиб Л. Дарета тизд. («Река течет»). Khorog, 1991. (In Shugni)

Эдельман Джой Иосифовна

Институт языкознания РАН

Москва, Россия

Edelman Joy Iosifovna

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

joy.edelman@gmail.com